

С.Г. Лозинский

**История инквизиции в
Испании**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
С11

С11 **С.Г. Лозинский**
История инквизиции в Испании / С.Г. Лозинский – М.: Книга по Требованию,
2013. – 545 с.

ISBN 978-5-458-55851-8

ISBN 978-5-458-55851-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

массы книгъ, посвященныхъ Инквизиціи, наиболѣе подходящей для перевода на русскій языкъ является „A History of the Inquisition of Spain“ Ли. Но четыре объемистыхъ тома этого труда не поддаются сокращенію: Ли принадлежитъ къ тѣмъ писателямъ, которыхъ съ удовольствіемъ цѣликомъ проглатываешь, но изъ которыхъ нельзя дѣлать отдѣльныхъ экстрактовъ. Подъ вліяніемъ отчасти этого убѣжденія приступлено было къ настоящей оригинальной работѣ

Въ Испаніи, при видѣ груды огромнаго непечатаго архивнаго матеріала, меня пугаль однотомный размѣръ предпринятаго труда, и я носился съ мыслью отказаться отъ взятой на себя задачи, но разъ данное обѣщаніе не позволяло мнѣ этого дѣлать. И теперь меня немало утрашаютъ несовершенства „Исторіи Инквизиціи въ Испаніи“, тѣмъ не менѣе, я передаю ее на судъ русской читающей публики, надѣясь, что она извлечетъ изъ нея не меньше того, что могла бы дать ей сокращенная, однотомная передача иностраннаго изслѣдованія по исторіи Испанской Инквизиціи.

С. Л.

С.-Петербургъ. 6 января 1914 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Эпоха Реконксты.

Обычное представление о томъ, что обратное завоеваніе Пиренейскаго полуострова испанцами—такъ называемая Реконкста—сопровождалось, какъ всякая священная, религиозная война, страшнымъ проявленіемъ фанатизма, въ настоящее время должно быть совершенно оставлено. Правда, какъ со стороны мавровъ, такъ и со стороны христіанъ, было обнаружено немало жестокостей по отношенію къ покореннымъ. Нерѣдко все взрослое мужское населеніе какой-либо мѣстности поголовно предавалось смерти, а женщины и дѣти отдавались въ рабство; часто также побѣдитель огнемъ и мечомъ уничтожалъ дѣля селенія и города, ввухавшіе ему по той или иной причинѣ какое-либо подозрѣніе, и врагъ не зналъ чувства жалости ни къ старикамъ, ни къ женщинамъ, ни къ дѣтямъ. Но не этими жестокими приемами, свойственными, впрочемъ, далеко не одной лишь священной войнѣ, характеризуется Реконкста. Для правильной оцѣнки послѣдней важны не отдѣльныя проявленія грубаго фанатизма къ долго и энергично защищавшемуся городу, не спорадическія вспышки гнѣва того или иного короля, не разрозненные, а потому и неослѣдовательныя, дѣйствія вѣкоторыхъ полусамостоятельныхъ полководцевъ-феодаловъ, а общее направленіе всей завоевательной политики испанскихъ королей, тѣ принципы и начала, которыми они руководились при выработкѣ опредѣленнаго status quo для покоренныхъ мѣстностей. Въ этомъ отношеніи Реконкста отличалась большой вѣротерпимостью, и побѣдоносное шествіе христіанскаго испанскаго оружія съ сѣвера на югъ, изъ Астуріи въ Гранаду, нерѣдко носило съ собою покореннымъ маврамъ личную неприкосновенность, имущественную безопасность и религиозную свободу.

Въ раннемъ Средневѣковѣ не замѣчалось особой религиозной вражды между воюющими сторонами, между маврами и христіанами. Испанскія баллады IX и X вѣковъ рисуютъ арабовъ, какъ достойныхъ враговъ, съ которыми воевать не должно быть стыдно ни одному испанскому гранду; даже побѣжденные мавры не вызываютъ къ себѣ чувства презрѣнія, и народная поэзія въ трогательныхъ выраженіяхъ оплакиваетъ мужественную смерть мавровъ, нерѣдко являвшихся любимыми героями христіанскихъ балладъ. Сынъ сестры короля Альфонса, легендарный Бернардо дель Карпіо, обиженный Альфонсомъ, не останавливается предъ тѣмъ, чтобы отправиться въ мусульманскую Гранаду, вести затѣмъ войну съ арабами противъ франковъ, побѣжденных имъ при Ронсеваль, и принять участіе въ устраиваемыхъ эмирами турнирахъ,—

Donde el premio será dado
Al que mejor lo ficiere,
Sea Moro ó sea Cristiano,—

гдѣ призъ будетъ данъ тому, кто больше другихъ отличится, будь онъ мавръ или христіанинъ.

Самъ Альфонсъ, прозванный за свою религиозность Католикомъ, вступилъ въ бракъ съ пѣнной мусульманкой; отъ этого брака у него родился сынъ Маурегато, который царствовалъ съ 783 г. по 789 г.; объ этомъ-то сынѣ лѣтописецъ говоритъ, какъ о «de serua

natus». Альфонсъ I слѣдовалъ, въ данномъ случаѣ, примѣру эмира Абдалааса, который въ 712 г. женился на Эгилондѣ, вдовствующей королевы послѣдней вестготскаго короля Родериха, погибшаго въ 711 г. въ битвѣ съ арабами близъ Кадикса ¹⁾. При наиболѣе могущественныхъ государяхъ, говорить Боронатъ-и-Баррачина, крѣдко мусульманскихъ солдатъ вели въ бой христіанскіе военачальники; христіане часто составляли лейбъ-гвардію мусульманскихъ эмировъ и занимали въ мусульманскомъ государствѣ очень ответственныя и высшія посты ²⁾.

Гораздо болѣе важны и характерны тѣ общественныя отношенія, которыя устанавливались между побѣдителями-христіанами и побѣжденными маврами на основаніи специальныхъ договоровъ, *tratos*. Однимъ изъ первыхъ такихъ договоровъ была капитуляціонная грамота Сены отъ 1038 г. Въ ней христіанскій король отказывается отъ взгляда на побѣжденныхъ мусульманъ какъ на людей, подлежащихъ немедленному истребленію или обращенію въ рабство, и провозглашаетъ совершенно новую точку зрѣнія на отношеніе къ покореннымъ мусульманамъ: послѣдніе становятся обычными подданными короля, обязанными платить въ королевскую казну опредѣленную подать, при чемъ введенная христіанскими побѣдителями податная система отнюдь не нарушала старыхъ внутреннихъ отношеній, существовавшихъ въ мусульманскомъ обществѣ до покоренія его христіанами. Мусульманскіе военачальники, князья или капитаны, побѣжденные христіанскимъ оружіемъ, по словамъ Амадора-де-лосъ-Ріоса, изъявляли испанскимъ королямъ вассальную покорность и давали слово, что будутъ сохранять вѣрность, получая взамиѣ отъ королей обѣщаніе, что имъ будутъ гарантированы ихъ религіозныя и политическія права. Другіе жители покоренныхъ мусульманскихъ городовъ, чувствуя себя въ безопасности подъ защитой болѣе или менѣе благодѣтельныхъ капитуляціонныхъ грамотъ, спокойно жили на завоеванныхъ и у арабовъ христіанами земляхъ, среди христіанскаго населенія, предаваясь своимъ обычнымъ полезнымъ занятіямъ, довольныя тѣмъ, что могутъ свободно исповѣдывать свою религію и исполнять свои мусульманскіе законы. Вассальная зависимость отъ христіанскихъ королей первой категоріи арабовъ имѣла различныя степени, смотря по тому, при какихъ условіяхъ ими была изъявлена покорность. По отношенію къ однимъ арабскимъ королькамъ или капитанамъ христіанскіе побѣдители ограничивались лишь требованіемъ ежегодной уплаты опредѣленной суммы въ пользу короля и запрещеніемъ арабамъ нести противъ него войну или помогать воюющему съ нимъ врагу; другіе дѣлались королевскими вассалами въ полномъ смыслѣ этого слова, хотя и за ними признавалось право ношенія оружія, и въ ихъ распоряженіи оставались крѣпости и укрѣпленія, изъ которыхъ они иногда удалялись христіанами-побѣдителями во время войны. Но это право предоставлялось имъ только подъ условіемъ вассальнаго подчиненія христіанскому королю ³⁾. Капитуляціонная грамота 1038 г. была образцомъ для многихъ другихъ.

Въ 1085 г. Альфонсъ XI, при взятіи Толедо, далъ покоренному городу особую хартію, въ которой имѣлись гарантіи относительно владѣнія собственностью, отправленія богослуженія и внутренняго самоуправленія; особо упоминалось о предоставленіи мусульманамъ въ пользованіе самой большой мечети города. Когда, послѣ ухода короля изъ Толедо, французскій аббатъ Бернаръ, опираясь на помощь бургундской королевы, вздумалъ превратить толедскую мечеть въ церковь, Альфонсъ посѣщавъ обратно въ Толедо и сталъ угрожать смертью какъ аббату, такъ и королеви. Сами мавры удерживали его отъ

¹⁾ Janer, «Condición social de los Moriscos de España», Мадридъ, 1857, стр. 6.

²⁾ «Los Moriscos españoles y su expulsión», Valencia, 1901, t. I, стр. 16.

³⁾ Amador de los Rios, «Estudios históricos sobre los mozárabes, mudéjares y moriscos»; Janer, *op. cit.*; Fernandez y Gonzalez, «Estado social y político de los mudéjares de Castilla», Мадр., 1866. Здѣсь приведено много примѣровъ толерантнаго отношенія испанскихъ королей къ покореннымъ арабамъ.

чрезвычайных репрессий христиан, виновных в нарушении королевской хартии; мавры боялись, какъ бы месть Альфонса не вызвала раздраженія среди христианскаго населенія, которое потомъ могло бы отомстить за причиненныя ему обиды мусульманамъ Толедо. Альфонсо XI называлъ себя даже императоромъ обѣихъ религій—*Emperador de los dos cultos*. Когда Рамонъ Беренгеръ Барселонскій покорилъ въ 1149 г. Лериду, онъ заключилъ съ ея алкаидомъ Абифелетомъ договоръ, коимъ обезпечивалась религиозная свобода какъ христианскаго, такъ и мусульманскаго населенія; Абифелетъ выдалъ Беренгеру рядъ крѣпостей и получилъ, вмѣсто нихъ, нѣсколько земельныхъ участковъ въ Барселонѣ и Геронѣ. Яковъ I (1213—1276), который впервые ввелъ въ Испанію средневѣковую Инквизицію и всѣмъ посвятилъ себя дѣлу Реконксты, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ его прозвище *el Conquistador*, держался, тѣмъ не менѣе, по отношенію къ покореннымъ маврамъ умѣренной политики, въ особенности въ религиозныхъ вопросахъ. «Онъ уважалъ религію побѣжденных, ихъ законы и обычаи; подтверждалъ ихъ вольности и льготы и предоставлялъ многимъ изъ нихъ значительныя привилегіи»¹⁾. Въ капитуляціонномъ актѣ Валенсіи отъ 28 сентября 1238 г. съ особенной силой подчеркнута было, что сдача города происходитъ при условіи личной и имущественной безопасности мусульманъ: *«praeterquam voluntas et concedimus quod omnes illi mauri, qui remanere voluerint in termino Valentiae, remaneant in nostra fide salvi et securi etc.»*. Многочисленныя хартіи того времени единодушно свидѣтельствуютъ, что побѣдоносные испанскіе короли не дѣлали большой разницы между покоренными мусульманами и побѣжденными христианами. Прозваншіе надъ собою власть христианскаго короля мавры становились его подданными подъ названіемъ *mudejares* (мудехары), пользуясь тѣми же правами, каковыя при покореніи Испаніи арабами пользовались христиане, подчинявшіеся мусульманскому игу и получавшіе названіе *mozárabes* (мосарабы).

Даже Фердинандъ и Изабелла Католика, при взятіи города Гранады, предоставили маврамъ большія льготы, и когда католическое духовенство, желая использовать великую побѣду христианскаго оружія, потребовало обложенія покореннаго населенія специально церковной податью, царственная чета обратилась съ жалобой къ папѣ Сиксту IV, указывая, главнымъ образомъ, на то, что при капитуляціи Гранады покореннымъ жителямъ было обѣщано ни въ какомъ случаѣ не увеличивать тѣхъ налоговъ, которые они платили при господствѣ въ Гранадѣ мавровъ. Фердинандъ и Изабелла въ своихъ представленіяхъ Сиксту ссылались на данныя ихъ предшественниками хартіи различнымъ городамъ, и папа, дѣйствительно, пошелъ на встрѣчу желанію монарховъ и запретилъ духовенству взимать съ жителей побѣжденнаго города церковную дани. Когда 7 декабря 1492 г. испанцы овладѣли Пурченой и всей долиной Алмансоры, они заявили, что берутъ подъ покровительство короля всѣхъ жителей этой страны, не исключая и арабскихъ богослужителей (*alfaquí, факьяр*); король разрѣшилъ всѣмъ, кто пожелаетъ, свободный отъѣздъ въ Африку, обѣщавъ назначать судьями мавровъ для разсмотрѣнія споровъ между христианами и мусульманами, выдалъ покорившимся жителямъ 12 тыс. реалей въ видѣ выкупа за 120 плѣнныхъ испанцевъ, обязался не обращать въ христианскую вѣру репегатовъ—христианъ, не обременять никого новыми налогами, позволять мусульманамъ жить согласно своимъ законамъ и вѣрѣ и судиться по *шариату* (мавританскій кодексъ); кромѣ того, король торжественно заявилъ, что мусульманскія жилища будутъ пользоваться непрекосовенностью и будутъ свободны отъ постоевъ, что побѣжденные будутъ имѣть право владѣть оружіемъ и лошадыми, не будутъ принуждаться къ ношенію отличительныхъ знаковъ на

¹⁾ Charles de Tourtonlon, «Jaime I-er le Conquérant, roi d'Aragón», Монпелье, 1863, т. I, 305—306; есть испанскій переводъ, Валенсія, 1874 г. Подобные факты въ значительномъ количествѣ приводитъ и графъ Circourt, «Histoire des morcs, mudejares et des morisques», Парижъ, 1846, т. I, 37.

одеждѣ, и что корона никогда не станетъ отчуждать этой страны ¹⁾. Капитуляціонная хартія, выданная Алмери 11 февраля 1490 г. и послужившая образцомъ для всѣхъ послѣдующихъ хартіи, была проникнута еще болѣе либеральнымъ духомъ. Мудехарами было обѣщано освобожденіе отъ тѣхъ налоговъ, которые были несправедливо наложены на нихъ мусульманскими королями; дѣтя отъ христіанскихъ матерей должны были въ 12 лѣтъ свободно выбирать религію, при чемъ имъ не грозила опасность въ случаѣ предпочтенія не-христіанскаго вѣроисповѣданія; крещенные или евреи не могли быть мусульманскими судьями, они не имѣли также доступа въ *aljama* (общины) и т. д.

Не разъ также арабы и христіане заключали между собою союзы для борьбы съ тѣми или инымъ врагомъ, при чемъ нерѣдко арабы воевали противъ арабовъ, а христіане противъ христіанъ. Такъ, мелкіе арабскіе предводители и князья, недовольные правленіемъ Абдеррахмана II (822—852), обратились за помощью къ астурийскимъ христіанамъ и заключили союзъ съ королемъ Ордоњо I (850—866); среди измѣнившихъ дѣду мусульманства князюковъ былъ и правитель Толедо. Точно также въ концѣ IX вѣка Бермудо, братъ Альфонса III, въ теченіе 7 лѣтъ осаждалъ съ помощью арабовъ Асторгу. Санчо I Толный, лишенный заговорщиками престола, обратился за помощью къ Абдеррахману III въ Кордову; послѣдній пошелъ вѣстѣ съ Санчо противъ узурпатора Ордоњо IV, нанесъ ему сильное пораженіе; подъ защитой арабскаго оружія Санчо I былъ провозглашенъ королемъ Леона. Альфонсъ VI Кастильскій, преслѣдуемый своимъ братомъ Санчо II, скрывался у толедскаго мусульманскаго владѣтельнаго князя. Въ Толедо онъ научился арабскому языку, окружилъ себя арабскими поэтами и мудрецами и даже женился на дочери севильскаго короля Аль-Мотамида; еще раньше Бермудо II выдалъ свою сестру за толедскаго мусульманскаго короля. Точно также его современникъ, арагонскій король Санчо I, зналъ хорошо арабскую литературу и подписывалъ свое имя арабскими буквами. Когда Альфонсъ X потерялъ свою популярность вслѣдствіе того, что далъ Португаліи возможность освободиться отъ вассальныхъ отношеній къ Леону, его братъ Филиппъ и нѣкоторые могущественные гранды задумали свергнуть его съ престола и обратились за помощью къ марокканскому султану Абу-Юсуфу. Кастильское духовенство, недовольное нѣкоторыми прерогативами королевской власти, поддерживало мысль Филиппа объ обращеніи къ Абу-Юсуфу, надѣясь ловить рыбу въ мутной водѣ ²⁾. Отказавшись отъ повиновенія Альфонсу X, Филиппъ и его единомышленники бѣжали въ мусульманскую Гранаду, производя по пути страшныя опустошенія въ христіанскихъ владѣніяхъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ Альфонсъ X, съ своей стороны, просилъ помощи у Абу-Юсуфа противъ своего сына Санчо IV, и марокканскій султанъ прислалъ ему значительное число пѣшихъ и конныхъ войскъ, а также 60 тыс. доблестъ; это побудило Санчо IV обратиться за поддержкой къ Гранадѣ, и возникла война, въ которой мавраи принимали участіе въ обоихъ лагеряхъ. Смерть Альфонса X въ 1284 г. положила конецъ этой кровавой войнѣ, вызванной соперничествомъ между отцомъ и сыномъ, одинаково преданными католицизму, и рѣшавшейся силою магометанскаго оружія. Педро Жестокій въ своей борьбѣ противъ Генриха Трастамары обращался въ 1366 г. и въ 1368 г. за помощью къ гранадскому королю, который прислалъ ему 87-тысячное войско; въ рѣшительномъ сраженіи при Монтеэль у Педро было 1500 доставленныхъ маврами лошадей; однимъ изъ пунктовъ жалобы на Генриха IV въ 1464 г. было его частое обращеніе за помощью къ мусульманамъ, что въ глазахъ вѣрныхъ христіанъ было оскорбленіемъ религіи. Въ 1405 г. между Мартиномъ Арагонскимъ и его сыномъ Мартиномъ Сицилійскимъ, съ одной стороны, и гранадскимъ королемъ Магометомъ, съ другой, былъ заключенъ союзъ, въ силу котораго договаривавшіяся стороны обязались оказывать другъ другу военную помощь

¹⁾ Fernandez y Gonzalez, «Estado social y político de los mudéjares de Castilla», стр. 416.

²⁾ Lea, «History of the Inquisition of Spain», t. I, 54.

против всякаго вишняго врага, при чемъ въ договорѣ подтверждалось, что подданные обѣихъ сторонъ пользуются личной безопасностью во время пребыванія въ союзническихъ земляхъ, и что торговля отношенія между ними происходятъ совершенно безпрепятственно. Аль-Мемонъ-Або-и-Ола, домогаясь престола, заключилъ договоръ съ Фердинандомъ Святымъ, предоставившимъ ему въ распоряженіе 12 тыс. христіанскихъ солдатъ, за что мусульманскій владыка разрѣшилъ построить церковь въ Марокко, совершать въ ней публичное богослуженіе при вонѣ колоколовъ и свободно переходить изъ одной религіи въ другую. Этимъ путемъ возникло марокканское епископство, во главѣ котораго первымъ епископомъ былъ назначенъ францисканецъ Агело. Основатель послѣдней гранадской династіи Абенъ-аль-Ахмаръ былъ добровольнымъ вассаломъ Фердинанда Святого, платилъ ему ежегодную контрибуцію въ размѣрѣ 150 тыс. добласъ, при каждомъ военномъ походѣ доставлялъ ему опредѣленное число солдатъ и, подобно всякому гисомоту (аватному), являлся, по первому зову короля, въ кортесы. Онъ оказалъ большую помощь Фердинанду при взятіи Севильи,—этимъ объясняется, почему онъ былъ въ числѣ участниковъ торжественнаго въѣзда короля въ покоренный городъ, возведенъ въ рыцарское званіе и награжденъ особымъ почетнымъ орденомъ.

Само собою разумѣется, что какъ дарованнымъ различнымъ покореннымъ городамъ картія, столь приникнутымъ въротерпимымъ и либеральнымъ духомъ, такъ и военные и иные союзы и коалиціи, дававшія въ одномъ мѣстѣ возможность арабамъ держаться съ помощью христіанъ, а въ другомъ—христіанамъ съ помощью арабовъ, вызывались не чувствомъ взаимной симпатіи представителей различныхъ религій, а опредѣленнымъ матеріальнымъ расчетомъ, диктовавшимъ испанскимъ королямъ эпохи Реконквисты проводить въ жизнь ту самую политику, какую за нѣсколько вѣковъ до этого, при покореніи Испаніи, вели завоеватели-арабы. Подобно тому, какъ послѣдніе, значительно уступая по своей численности вестготамъ, успѣшно могли двигаться въ VIII столѣтіи съ юга на сѣверъ лишь благодаря своему удивительному умѣнію не заставлять покоренныхъ христіанъ чувствовать тяжесть новаго режима и своему искусному использованию существовавшего между вестготами антагонизма, точно такъ же осторожные испанскіе монархи могли успѣшно совершать дѣло обратнаго завоеванія Пиренейскаго полуострова лишь путемъ различныхъ уступокъ покореннымъ мусульманамъ и съ помощью вишталейства во внутреннихъ отношеніяхъ соперничавшихъ между собою отдѣльныхъ арабскихъ князей и королей. Одинъ и тотъ же монархъ, нѣрѣдко на протяженіи всего какихъ-либо десяти лѣтъ, не разъ мѣнялъ свою политику по мѣрѣ того, какъ чувствовалъ себя болѣе или менѣе прочно окрѣпшимъ въ той или иной покоренной имъ землѣ. Наиболее рѣзко проявлялась эта измѣнчивая политика въ дѣйствіяхъ Фердинанда Католика, который одной рукой давалъ обѣщанія, а другой жестоко и сурово подавлялъ имъ же недавно поддерживаемыя требованія и претензіи; онъ умѣлъ уступать для того, чтобы тѣмъ тверже въ извѣстный моментъ наступать. И это не было съ его стороны претымъ лицемѣріемъ или хамелеонствомъ, какъ окрестили его царствованіе нѣкоторые историки; нѣтъ, это былъ расчетливый макіавеллизмъ, который, не считаясь ни съ какими обѣщаніями, присягами, клятвами и угрызѣніми совѣсти, идетъ прямо къ разѣ намѣченной цѣли, несмотря на многочисленныя препятствія. Частая нарушенія царскаго слова, которыми такъ богаты анналы испанской исторіи, заставляютъ и современныхъ, строго католическихъ историковъ Испаніи выдвигать теорію о допущеніи необходимости несоблюденія національнаго и интернаціональнаго договора не только въ силу государственнхъ или религіозныхъ соображеній, но и, повидимому, самыхъ повседневныхъ причинъ (*por causas, al parecer, triviales*)¹⁾.

Какъ бы неважно, однако, ни было участіе матеріальнаго расчета въ либеральныхъ капитуляціонныхъ грамотахъ испанскихъ королей, совѣстныхъ выступленія мавровъ и

¹⁾ Boronat y Barrachina, «Los Moriscos españoles y su expulsión», Valencia, 1901, I, стр. 76—77.

христіанъ, сопровождавшіеся, разумѣется, и болѣе близкимъ знакомствомъ другъ съ другомъ, не могли не отразиться на взаимныхъ чувствахъ обоихъ народовъ и должны были выработать какъ въ томъ, такъ и въ другомъ народѣ болѣе справедливое и болѣе вѣротерпимое отношеніе къ чужому мнѣнію, къ чужому мировоззрѣнію, къ чужой жизни. Такимъ образомъ, если и не непосредственно, то отраженными путемъ искусная политика Реконкисты способствовала сближенію представителей различныхъ религій, служа какъ бы мостомъ черезъ пропасть, отдѣлявшую въ Средніе вѣка одну народность отъ другой. Само собою разумѣется, что взаимное знакомство арабовъ и христіанъ ограничивалось очень немногими, а главное—точка соприкосновенія между широкими народными массами обѣихъ религій были крайне влчтожны, и по мосту, соединявшему оба народа, проходили лишь представители высшихъ классовъ, такъ что, говоря о вѣротерпимости испанцевъ, необходимо понимать ее съ известными ограниченіями, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ широкимъ массамъ. Но, съ другой стороны, не слѣдуетъ забывать, что въ Средніе вѣка широкіе слои народа вообще не знали ни злобы и ненависти, ни преданности и любви къ чужому народу. Грубой и невѣжественной, живущей впроголодь и изнемогающей отъ непосильной работы народной массѣ вообще чуждо чувство симпатіи и антипатіи къ представителямъ другой народности. Чтобы различать между своей и чужой народностью, необходимо умѣть поднимать свой взоръ за предѣлы собственнаго государства и находиться на известномъ уровнѣ умственной, духовной высоты. Этого условія не доставало въ Средніе вѣка широкимъ массамъ народа: ихъ согбенныя спины никогда не выпрямлялись, дремлющій умъ ихъ никогда не просыпался, и все ихъ заботы и нужды вращались въ узкомъ кругѣ непосредственныхъ матеріальныхъ интересовъ, которые, приковывая все вниманіе ихъ къ себѣ, заковывали народъ въ крѣпкія, желѣзные цѣпи.

Средневѣковой массѣ народа была чужда всякая «фобія»: это чувство явилось продуктомъ новѣйшаго времени, однимъ изъ атрибутовъ—безразлично неизбѣжнымъ или нѣтъ—національнаго самосознанія, возникающаго лишь на известной ступени общаго развитія. Индифферентная во многихъ отношеніяхъ, эта масса являлась слѣпымъ и послушнымъ орудіемъ въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ, которыя искусно и пользовались ею въ своихъ политическихъ, религіозныхъ или экономическихъ интересахъ. Средніе вѣка знаютъ страшныя извѣстія невинныхъ людей, ужасныя гоненія и преслѣдованія беззащитныхъ и ни въ чемъ неповинныхъ, совершенныя обезумѣвшей и озвѣрѣлой народою массой, но въ этихъ ужасахъ такъ же мало народной ненависти, какъ ея мало при истребленіи, наприм., портовыхъ рабочими чумныхъ крысъ. По наущенію своихъ учителей и руководителей народъ по временамъ беспощадно уничтожалъ своихъ мнимыхъ или дѣйствительныхъ враговъ, не чувствуя въ нихъ особой вражды, но вѣря, что они достойны той участи, какую они имъ изготовляли. Лишь въ тѣхъ случаяхъ можно говорить о ненависти и враждѣ въ народныхъ движеніяхъ въ Средніе вѣка, когда предметомъ нападеній служили непосредственные притѣснители народа, которыхъ онъ самъ въ состояніи былъ знать; въ прочихъ же случаяхъ народъ дѣйствовалъ лишь по указанію другихъ, оставаясь равнодушнымъ къ своимъ жертвамъ.

Испанская масса въ Средніе вѣка была такой же, какъ всякая иная масса, столь же мало достойнаго названія вѣротерпимой, какъ и противоположнаго названія; она была мертва и индифферентна, и не ее слѣдуетъ имѣть въ виду, когда говорить о вѣротерпимости испанцевъ въ эпоху Реконкисты, и не на нее имѣли вліяніе политическіе союзы арабовъ и христіанъ, взаимное ихъ знакомство и сближеніе. Политика того времени отражала чувства и интересы не широкихъ классовъ народа, а лишь высшаго привилегированнаго сословія, которое вмѣстѣ съ королемъ являлось вершителемъ судебъ государства. При слабости большинства испанскихъ королей воля дворянства имѣла даже больше значенія, нежели власть монарха, и дворянству слѣдуетъ приписывать добрую

часть того вѣротерпимаго духа, который такъ характеренъ для эпохи Реконксты. И именно по отношенію къ дворянству можно говорить о вѣротерпимости испанскаго народа, хотя и въ данномъ случаѣ вѣротерпимость вызывалась не столько гуманними чувствами, сколько матеріальными интересами, какъ мы это увидимъ позднѣе, при введеніи Инквизиціи, съ которой дворянство на первыхъ порахъ боролось какъ съ учрежденіемъ, могущимъ подорвать его благосостояніе, а также его старинныя вольности.

Трудно допустить, что въ основѣ либеральной политики того времени лежалъ лишь страхъ предъ тѣмъ, чтобы султанъ не принялъ, въ случаѣ репрессій со стороны испанскихъ королей, жестокаго мѣръ по отношенію къ тѣмъ христіанамъ, которые еще продолжали находиться подъ мусульманскимъ гномъ. Правда, иногда мусульманскіе эмпы угрожали избіеніемъ христіанъ, если побѣдоносные короли вздумаютъ обращаться съ арабами, какъ съ военнопленными, и въ 1489 г., напр., султанъ обратился къ папѣ съ жалобой на царственную католическую чету, дѣйствовавшую, по его мнѣнію, черезчуръ круто съ побѣжденными жителями Гранады, и заявилъ, что и онъ будетъ вынужденъ измѣнить свое отношеніе къ находящимся въ его владѣніяхъ христіанамъ, если политика репрессій будетъ продолжаться попрежнему; Фердинандъ и Изабелла, въ отвѣтъ на это, успѣли успокоить султана и объявили, что мавры будутъ пользоваться во вновь завоеванныхъ земляхъ полной свободой—какъ религіозной, такъ и личной¹⁾. Если такимъ образомъ и можно въ нѣкоторыхъ случаяхъ объяснить политику Испаніи страхомъ предъ султанскими контръ-репрессіями, то по отношенію къ евреямъ, лишеннымъ возможности гдѣ бы то ни было отвѣтять на притѣсненія испанцевъ такими же притѣсненіями, такое объясненіе само собою отпадаетъ, и остается лишь то, которое мы приводили выше, а именно: политика Реконксты не была проникнута духомъ религіознаго фанатизма, а испанскіе короли расчетливо и мудро пользовались услугами тѣхъ, кто только могъ быть имъ полезенъ, все равно—къ какой бы онъ ни принадлежалъ религіи или народности.

Положеніе евреевъ того времени въ Испаніи было несравненно лучше, нежели въ прочихъ европейскихъ государствахъ, гдѣ имъ въ большинствѣ случаевъ съ конца XIII, а въ особенности на протяженіи XIV вѣка, нельзя было даже жить. Въ капитуляціонныхъ хартіяхъ, которыми обезпечивалась религіозная свобода мударовъ, иногда имѣлись особыя статьи, говорившія и о религіозной свободѣ евреевъ; а если обсаго упоминанія о нихъ и не было, то нерѣдко предлагалось, какъ пѣчто само собою понятное, что дарованная королями вѣротерпимость распространяется на всѣхъ его новыхъ подданныхъ безъ различія вѣроисповѣданій. Такъ, въ фуаро города Миранды на Эбро, дарованномъ королемъ Альфонсомъ VI въ 1009 г., говорится, что всѣ статьи фуаро относятся въ представителямъ какъ привилегированныхъ, такъ и непривилегированныхъ классовъ и сословіи, а также всѣхъ религій, исповѣдуютъ ли послѣдніи еврей или мусульмане (*et omnes populos que modo sunt, aut de caetero, homines generosi aut pedonii, aut mauri aut judaei habeant istud foris*). Аналогичныя постановленія мы встрѣчаемъ въ рядѣ другихъ капитуляціонныхъ грамотъ. Въ 1134 г. Рамиро II не дѣлаетъ никакой разницы между евреями, маврами и христіанами города Касседы и устанавливаетъ одни и тѣ же права для всѣхъ жителей Туделы, Каркастелью и Белорадо, безъ различія религій, ссылаясь на то, что подобное равноправіе существуетъ уже въ Соріи и Дарокѣ²⁾.

На евреяхъ распространялись даже городскія вольности и привилегіи, завоеванныя испанскими городами, въ помощи которыхъ противъ арабовъ постоянно столь сильно нуждались христіанскіе короли. Въ carta-puebla города Кастрохерисъ, данной кастильскимъ

¹⁾ H. Ch. Lea, «The Moriscos of Spain», 17.

²⁾ Fernandez y Gonzalez, op. cit., стр. 117—120; Amador de los Rios, «Historia social politica y religiosa de los Judios de España y Portugal», t. I, 196—197.

графомъ Г. Фернандесомъ въ 974 г., права евреевъ гарантированы въ такой же степени, какъ и права христіанскихъ жителей Кастрохериса, и за убійство еврея приходилось платить ту же сумму, какъ за убійство христіанина (*Et si homines de Castro matarent judeo, tantum pecent pro illo quo modo pro christiano*)¹⁾. То же мы находимъ и въ другихъ городскихъ хартияхъ.

Отдѣльные королевскія грамоты, выдаваемые евреямъ, отличались столь же вѣротерчимымъ духомъ. Такъ, завоеватель Балеарскихъ острововъ Яковъ I или Хамне I (1213—1276), въ свитѣ котораго находился еврей Бахіель изъ Сарагоссы, врачъ и переводчикъ, даровалъ евреямъ цѣлый рядъ грамотъ, сущность которыхъ сводится къ слѣдующему: евреи живутъ въ отдѣльной части города близъ королевскаго дворца, образуя особое гетто—*judegia*, король общается имъ свое покровительство, они пользуются всѣми правами гражданства, имѣютъ свой собственный судъ, имъ разрѣшается убивать скотъ согласно еврейскимъ законамъ, составлять дѣловые документы (завѣщанія, свадебные договоры и т. д.) на еврейскомъ языкѣ; христіанамъ и маврамъ, подъ страхомъ строгаго наказанія, запрещено оскорблять евреевъ и осквернять ихъ кладбища; евреямъ предоставлено доносить непосредственно королю о притѣсненіяхъ со стороны администраціи; имъ разрѣшено давать займы деньги изъ 20 процентовъ съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы сумма вросшихъ 0/0 не превышала суммы капитала; евреямъ разрѣшалось владѣть всякою собственностью—какъ движимою, такъ и недвижимой, они могли имѣть свои сады, виноградники и всякую иную землю,—при чемъ не только въ городахъ, но и въ деревняхъ; евреевъ нельзя было принуждать отдавать свои дома въ наемъ христіанамъ; послѣднимъ, съ другой стороны, запрещено было жить вмѣстѣ съ евреями. Въ 1229 г. Яковъ I (Хамне I) предоставилъ евреямъ Калатауда право избрать изъ своей среды, въ присутствіи и съ согласія раввина (*atab*), четырехъ уполномоченныхъ (*adelantados*), которые должны были съѣздить за безопасностью общины (*aljama*), налагая на разбойниковъ и другихъ преступниковъ различныя наказанія вплоть до смертной казни; съ вѣдома алхамы, уполномоченные могли выслатъ изъ предѣловъ города любого еврея и конфисковать его имущество²⁾. Послѣ покоренія Майорки тотъ же король Яковъ, распредѣляя завоеванныя земли между своими солдатами, далъ евреямъ алкеріи (арендные земли) въ Генкѣ, Ампуданіѣ, Петрѣ и Монтуари³⁾. Въ 1247 г. всѣмъ евреямъ, желавшимъ поселиться въ Валенсіи, Каталоніи и на островѣ Майоркѣ, предоставлялись королевскія гдага⁴⁾ и полная натурализація⁵⁾. Въ 1268 г. былъ отданъ приказъ, въ силу котораго нельзя было принуждать евреевъ присутствовать на проповѣдяхъ монаховъ доминиканскаго ордена; послѣднимъ же запрещалось появляться въ синагогѣ, съ агитаціонными цѣлями, въ сопровожденіи народнои толпы⁶⁾.

Когда Альфонсъ VI, пользуясь раздорами среди мавровъ, отвоевалъ у нихъ Толедо (1085), онъ предоставилъ евреямъ Толедо тѣ же права, что и христіанамъ, при чемъ еврей-

¹⁾ Amador de los Rios, «Historia» etc., I, стр. 173 и слѣд.

²⁾ Jean Regné, «Catalogue des actes de Jaime I, Pedro III et Alfonso III, rois d'Aragon, concernant les Juifs», Парижъ, 1911, стр. 2.

³⁾ Id., op. cit., стр. 3.

⁴⁾ *Guidage* или *guiaje*—свободный проходъ, грамота съ разрѣшеніемъ въѣзда въ городъ и съ запрещеніемъ ставить данному лицу какія-либо препятствія.

⁵⁾ Id., op. cit., стр. 7; Morel-Fatio, «Notes et documents sur les Juifs des Baleares» («Revue des Etudes Juives», t. IV, 1882); Vidal, «Les Juifs de Roussillon et de Cerdagne», Пар., 1883.

⁶⁾ Jean Regné, op. cit., стр. 69; Joseph Jacobs, «An inquiry into the sources of the History of the Jews in Spain», Лондонъ, 1894. — Объ отношеніи арагонскихъ королей къ барселонскимъ евреямъ см. F. de Bofarull, «Los Judíos en el territorio de Barcelona (siglos X al XIII)», Барселона, 1911. Тотъ же Вофарулъ помѣстилъ въ «Boletín de la Real Academia de Buenas Letras de Barcelona» (октябрь—декабрь 1910) статью объ отношеніи Хамне I (Якова I) къ еврейской общинѣ въ Монпелье, который, какъ извѣстно, въ XIII в. входилъ въ составъ арагонскаго королевства.